

вает. И только 3 пряслица найдены в верхнем слое и, следовательно, бытовали в XII—XIII вв. Наши личные наблюдения во время раскопок 1941, 1947 и 1948 гг. убеждают, что такое соотношение двух хронологических групп пряслиц не случайно. Конечно, представленный материал еще слишком ограничен и в целом плохо документирован и поэтому недостаточен для окончательных заключений. Но вместе с тем пренебрегать им невозможно. Несомненно одно: пряслица из лилового шифера, напоминающие по материалу и форме древнерусские, появляются в Херсоне уже в X в., а для последующего времени менее характерны. При этом возникает вопрос, можно ли считать окончательно установленным, что материал этих пряслиц действительно овручский шифер, а не шифер из какого-либо другого, более близкого к Крыму месторождения.

Но если все же торговые и культурные сношения Корсуни с Киевской Русью в XI в. и могли иметь место, если Корсунь в те времена могла служить транзитным пунктом для морских торговых караванов русских купцов, направлявшихся в Тмутаракань, хотя все это и не отразилось в имеющихся источниках, то в конце XI в. возможности для этого полностью исчезли. В 1094 г. в последний раз русская летопись упоминает Тмутараканское княжество¹², приблизительно в то время прекратившее свое существование: Киевская Русь, таким образом, лишилась своего экономического и политического форпоста в Причерноморье. В это же самое время, в конце XI в., в причерноморской торговле на некоторое время возобладали венецианцы, широко использовавшие торговую монополию в причерноморских портах, которую они вырвали у ослабевшей Византии в 1082 г.¹³ В результате этих событий в Таврике сложилась новая историческая ситуация, резко изменившая положение дел: с тех пор и вплоть до XIII в. сношения Руси с Таврикой вообще, и в частности с Корсунью, прекратились, по-видимому, полностью. К такому заключению ведет не только смысл тех событий, о которых только что говорилось, — этот вывод подтверждают вещественные (археологические) материалы, вернее — отсутствие их: ни одного памятника XI и XII вв. (по крайней мере первой половины XII столетия) русского происхождения в Корсуни не известно.

Тем интереснее, что такие памятники появляются, и притом в не малом количестве, на протяжении следующего столетия — в XIII в. Сюда прежде всего относятся так называемые новгородские гривны; именно с этим временем связаны русские горшки и другие сосуды; не менее симптоматичны находки русских энколпионов и других крестов. Это — единичные находки, но в целом они образуют значительную группу памятников, знаменующих определенное историческое явление.

На каждой из этих групп вещей следует хотя бы кратко остановиться отдельно. Серебряные гривны в виде палочек¹⁴ принадлежат хорошо известному новгородскому типу XII и XIII вв., имевшему хождение, правда,

¹² ПСРА, I, ст. 226.

¹³ Аннае Сомпенае Alexias, VI, 5 (ed. Teubn., 1884, p. 197; русский пер. в изд. С.-Петербургской духовной академии, 1862, стр. 271 сл.).

¹⁴ В Херсонесе их найдено 12 — все в одном помещении в западной части городища. См. ОАК за 1889 г., стр. 14; А. В. Орешников. Опись серебряным монетным слиткам из собр. Российского исторического музея. Труды Моск. нумизмат. общества, II, М., 1901, стр. 216, табл. IV, 1. А. В. Орешников предполагает, что гривны эти — местного херсонского происхождения и изготовлены для торговли с Русью (там же, стр. 216). Но в таком случае остается непонятным, почему в Херсоне избрали за образец среднерусский и северный тип гривны, а не киевский, хотя с Поднепровьем Херсон был, конечно, теснее связан, чем с далеким Севером. Предположение А. В. Орешникова нам представляется маловероятным.